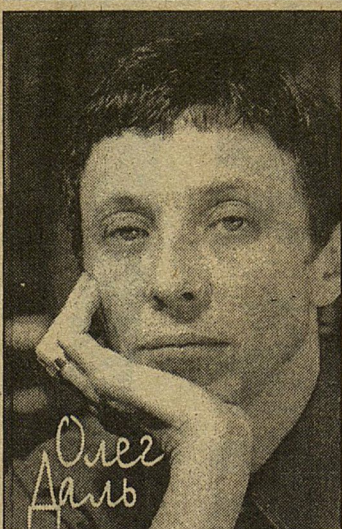

Независимая газета, - 1998, - 2 июля - с. 15

ВПЕРЕДИ - ДАЛЬ

Не «рупор эпохи», не «секс-символ», а просто — Актер

Ольга Гаврилова

Олег Даль. Дневники, письма, воспоминания. — М.: Центрполиграф, 1998, 424 с.

ЛЕГКО любить известного артиста. Вешать портрет на стенку, пересматривать фильмы, стоять за билетами на спектакль, листать красочные альбомы с фотографиями. Радоваться его новому званию. Девочкам — писать ему письма и мечтать о его любви, друзьям — гордиться дружбой, режиссерам — публично восхищаться и рвать друг у друга. Талант! Гений! Слава... Со всех афиш в городе — его глаза и улыбка. Нет человека, не знающего, кто это. Легко любить...

Любить — нелегко. Актеров особенно нелегко любить. Они, творческие личности, сложны в повседневной жизни, потому что — сложны. Они непредсказуемы и капризны, у них неустойчивая психика. Они раздражаются, когда им кажется, что их не любят, их талант не ценят, ими пренебрегают. Войдя в образ, они часто сживаются с ним и не могут от него освободиться. Тяжело любить талант, который живет рядом с тобой, его постоянные сигареты, бессонные ночи, нервные срывы, резкие смены настроения, запой и истерики, неприспособленность к жизни, витание в облаках, неумение жить «как все», широту жестов, рваный режим дня, напоры поклонников и поклонниц... Тяжело переносить постоянную требовательность

к себе и такую же — к окружающим, безжалостность к бездарностям, ревность или зависть к соперникам... Чем больше актер, тем сложнее быть рядом с ним. Помните замечательное бонмо Андрея Тарковского: «А вы действительно думаете, что они — люди?». Они не люди, «они — всё». И вот это множество миров в одном флаконе — ест напротив, опаздывает на репетиции, запойно пьет, разводит с женами, ругается с коллегами... И этот человек так отличается от того, что мы видим на сцене и на экране!

Любить их — легко и сложно. Особенно если человека уже нет. С одной стороны, нет уже никакого развития. Есть только результат — Большой Актер. Смерть сразу задает масштаб и расставляет большое и мелкое на свои места. С другой стороны, результат можно переосмыслить, переоценивая и примеряя к новому времени, взрослея и отдаляясь. «Бояться автору нечего — он умер 100 лет назад». Чаше всего составители сборников воспоминаний, захлебываясь в любви к Предмету, сами того не желая, искажают биографию, сочиняя розовый сладкий роман в шоколаде. Удачи в этом жанре бывают редки.

Но книга, о которой я говорю, — из редких. На лотках она сразу бросается в глаза — с портрета во всю обложку смотрит лицо человека с грустными глазами, лицо, которое знают, помнят и до сих пор любят очень многие. Жизнь его внезапно оборвалась 3 марта 1981 года, а имя сразу встало в список главных потерь, в список тех, кто сторел в короткий срок в начале 80-х. Олег Даль. Любимый актер. Безвременная смерть. Нежно любимые фильмы.

Эта книга должна была бы появиться давно. Наталья Галаджева начала собирать ее почти сразу после смерти Даля. Наконец объемный том вышел в издательстве «Центрполиграф». В его подготовке принимала непосредственное участие вдова артиста — Елизавета Даль. Стараниями составителей книга замечательно композиционно выстроена, она как бы состоит из нескольких частей, каждая из которых открывает личность Олега Даля по-новому.

В первую часть, по традиции, собраны воспоминания коллег и знакомых. Открывает мемуарную часть милый, без приторности, короткий, но точный «некролог спустя...» режиссера Бориса Львова-Анохина под символическим названием «Единст-

венный». Это слово потом повторят многие коллеги Даля. Талантливый, особенный. Противоречивый. Все говорят о легкости и нежности Даля. И все — о внутреннем трагизме и старческой мудрости. О дружественности, любви к собратям — и о нарочитом одиночестве. Рассказы, пусть и достаточно комплиментарные, все же не выглядят слишком сладкими. Скорее в них — вкус вишни и горечь вишневых косточек. Все помнят Даля совершенно по-разному, но все — и коллеги, и режиссеры, и сценаристы (вот уж кого трудно заподозрить в комплиментарности) — признают одно: это был гениальный актер. Не «рупор эпохи», не «секс-символ», а просто — Актер, который мог сыграть ВСЕ. И не успел, не смог, не дали... Жертва времени и его любимый ребенок.

За что надо, безусловно, поблагодарить составителей сборника — это за то, что мемуаристы не впадали в много- и славословие. Если человек мог сказать о Дале коротко, в полстранички, как Агнешка Осечка, но емко, — этого достаточно. Воспоминания получились в основном адекватными характеру их предмета: нервными, сдержанными, с внутренними скрытыми бурями, немножко грустными. Без лишнего пафоса — типа «какой светильник разума угас». Многие вспоминающие осмысливают уход Даля в ряду таких же значимых для всех, не только для актерского мира, потерь: Высоцкий, Дворжецкий (друзья), Богатырев, Луспекаев, Алейников, Миронов. «Тогда считать мы стали ра-

ньи»... Но первая часть — пить и не утолить жажду. Коллеги больше говорят о человеке публично, об Артисте. Мало тех подробностей, которые бы начали плач о загубленной жизни дочери? И главное — все было бы правдой! Нет. Только боль, любовь и нежность. Звал Олей. Считал другом. Вообще он удивительно умел дружить со старшим, уходящим поколением: со Шкловским, с Козинцевым. По мнению Ольги Борисовны, он бы очень понравился Борису Эйхенбауму, знаменитому литературоведу, ее отцу. Эти мудрые старые интеллигентны — по своим понятиям о благодетельстве, по своей обаятельности — были ровней равно помудревшему и постаревшему Даю. Когда умер Козинцев, Даль послал его вдове телеграмму: «Я всегда буду ненавидеть вчерашний день».

Кроме этой телеграммы, нам предлагают и подборку писем Даля. Письма, от самого первого, написанного невесте через несколько дней после ее согласия на брак, до последних. Книга движется по нарастающей, все ближе, ближе, ближе, и все время, как афористично, вполне в стиле артиста сказал Василий Аксенов, «впереди — Даль». Наибольшее открытие — стихи артиста и его прозаические наброски. Особенности стиль, тонкие, красивые, неожиданные, порою вычурные фразы и сравнения. Непростая проза, как ничто, отражающая метания и мечтания автора с моментами сюрреализма и отголосками Пруста. Чудный, вдохновенный, добрый, ласковый гимн Художнику — статья об Иосифе Хейфице, написанная по заказу для журнала и неопубликованная. Причину отказа журнала от текста понял сам адресат: «Слишком хорошо!» Слишком самобытно, слишком образно. Непросто. Эта непростота — и в дневниках. Жесткость, жестокость — к себе, к коллегам. Оценки собственных работ. Размышления о жизни и своем месте в ней — до истерики. Не всегда справедливые оценки поступков, слов, порой делающие из мухи слона.

Он ни к чему не относился легко. Он ничего не умел делать легко. Разве что — дарил с экрана свою легкую, горькую, счастливую, грустную улыбку... Боже, как же сложно любить такого человека! И как же можно не любить?

Так мало ролей сыграно. И не все остались на кинолентах. А на магнитофонной пленке остался только гениально прочитанный (это оценка всех специалистов) цикл на стихи Лермонтова. Не из-за происков врагов, исключительно по злой иронии судьбы. Просто кассет у Даля было всего две, новую купить было сложно, просить у кого-нибудь не мог — вот и затирал старые «пробы» новыми.

И жизнь его оказалась, как кассета, на которую наслаивались роли, роли, роли... Потом их стирали, их забывали. Он постоянно требовательно пытался править жизнь. А пленка стиралась, возникали шумы, помехи. И слышали эту пленку немногие.

Благодаря вышедшей книге сегодня, спустя 17 лет (целое поколение зрителей без Даля!), оказалось, что что-то можно еще дослушать, попытаться понять, можно вновь обрести чувство сосуществования рядом с этим удивительным Артистом.

Но я всегда буду ненавидеть 3 марта 1981 года.

к себе и такую же — к окружающим, безжалостность к бездарностям, ревность или зависть к соперникам... Чем больше актер, тем сложнее быть рядом с ним. Помните замечательное бонмо Андрея Тарковского: «А вы действительно думаете, что они — люди?». Они не люди, «они — всё». И вот это множество миров в одном флаконе — ест напротив, опаздывает на репетиции, запойно пьет, разводит с женами, ругается с коллегами... И этот человек так отличается от того, что мы видим на сцене и на экране!

Любить их — легко и сложно. Особенно если человека уже нет. С одной стороны, нет уже никакого развития. Есть только результат — Большой Актер. Смерть сразу задает масштаб и расставляет большое и мелкое на свои места. С другой стороны, результат можно переосмыслить, переоценивая и примеряя к новому времени, взрослея и отдаляясь. «Бояться автору нечего — он умер 100 лет назад». Чаше всего составители сборников воспоминаний, захлебываясь в любви к Предмету, сами того не желая, искажают биографию, сочиняя розовый сладкий роман в шоколаде. Удачи в этом жанре бывают редки.

Но книга, о которой я говорю, — из редких. На лотках она сразу бросается в глаза — с портрета во всю обложку смотрит лицо человека с грустными глазами, лицо, которое знают, помнят и до сих пор любят очень многие. Жизнь его внезапно оборвалась 3 марта 1981 года, а имя сразу встало в список главных потерь, в список тех, кто сторел в короткий срок в начале 80-х. Олег Даль. Любимый актер. Безвременная смерть. Нежно любимые фильмы.

Эта книга должна была бы появиться давно. Наталья Галаджева начала собирать ее почти сразу после смерти Даля. Наконец объемный том вышел в издательстве «Центрполиграф». В его подготовке принимала непосредственное участие вдова артиста — Елизавета Даль. Стараниями составителей книга замечательно композиционно выстроена, она как бы состоит из нескольких частей, каждая из которых открывает личность Олега Даля по-новому.

Любить их — легко и сложно. Особенно если человека уже нет. С одной стороны, нет уже никакого развития. Есть только результат — Большой Актер. Смерть сразу задает масштаб и расставляет большое и мелкое на свои места. С другой стороны, результат можно переосмыслить, переоценивая и примеряя к новому времени, взрослея и отдаляясь. «Бояться автору нечего — он умер 100 лет назад». Чаше всего составители сборников воспоминаний, захлебываясь в любви к Предмету, сами того не желая, искажают биографию, сочиняя розовый сладкий роман в шоколаде. Удачи в этом жанре бывают редки.

Но книга, о которой я говорю, — из редких. На лотках она сразу бросается в глаза — с портрета во всю обложку смотрит лицо человека с грустными глазами, лицо, которое знают, помнят и до сих пор любят очень многие. Жизнь его внезапно оборвалась 3 марта 1981 года, а имя сразу встало в список главных потерь, в список тех, кто сторел в короткий срок в начале 80-х. Олег Даль. Любимый актер. Безвременная смерть. Нежно любимые фильмы.

Эта книга должна была бы появиться давно. Наталья Галаджева начала собирать ее почти сразу после смерти Даля. Наконец объемный том вышел в издательстве «Центрполиграф». В его подготовке принимала непосредственное участие вдова артиста — Елизавета Даль. Стараниями составителей книга замечательно композиционно выстроена, она как бы состоит из нескольких частей, каждая из которых открывает личность Олега Даля по-новому.

В первую часть, по традиции, собраны воспоминания коллег и знакомых. Открывает мемуарную часть милый, без приторности, короткий, но точный «некролог спустя...» режиссера Бориса Львова-Анохина под символическим названием «Единст-

венный». Это слово потом повторят многие коллеги Даля. Талантливый, особенный. Противоречивый. Все говорят о легкости и нежности Даля. И все — о внутреннем трагизме и старческой мудрости. О дружественности, любви к собратям — и о нарочитом одиночестве. Рассказы, пусть и достаточно комплиментарные, все же не выглядят слишком сладкими. Скорее в них — вкус вишни и горечь вишневых косточек. Все помнят Даля совершенно по-разному, но все — и коллеги, и режиссеры, и сценаристы (вот уж кого трудно заподозрить в комплиментарности) — признают одно: это был гениальный актер. Не «рупор эпохи», не «секс-символ», а просто — Актер, который мог сыграть ВСЕ. И не успел, не смог, не дали... Жертва времени и его любимый ребенок.

За что надо, безусловно, поблагодарить составителей сборника — это за то, что мемуаристы не впадали в много- и славословие. Если человек мог сказать о Дале коротко, в полстранички, как Агнешка Осечка, но емко, — этого достаточно. Воспоминания получились в основном адекватными характеру их предмета: нервными, сдержанными, с внутренними скрытыми бурями, немножко грустными. Без лишнего пафоса — типа «какой светильник разума угас». Многие вспоминающие осмысливают уход Даля в ряду таких же значимых для всех, не только для актерского мира, потерь: Высоцкий, Дворжецкий (друзья), Богатырев, Луспекаев, Алейников, Миронов. «Тогда считать мы стали ра-

ньи»... Но первая часть — пить и не утолить жажду. Коллеги больше говорят о человеке публично, об Артисте. Мало тех подробностей, которые бы начали плач о загубленной жизни дочери? И главное — все было бы правдой! Нет. Только боль, любовь и нежность. Звал Олей. Считал другом. Вообще он удивительно умел дружить со старшим, уходящим поколением: со Шкловским, с Козинцевым. По мнению Ольги Борисовны, он бы очень понравился Борису Эйхенбауму, знаменитому литературоведу, ее отцу. Эти мудрые старые интеллигентны — по своим понятиям о благодетельстве, по своей обаятельности — были ровней равно помудревшему и постаревшему Даю. Когда умер Козинцев, Даль послал его вдове телеграмму: «Я всегда буду ненавидеть вчерашний день».

Кроме этой телеграммы, нам предлагают и подборку писем Даля. Письма, от самого первого, написанного невесте через несколько дней после ее согласия на брак, до последних. Книга движется по нарастающей, все ближе, ближе, ближе, и все время, как афористично, вполне в стиле артиста сказал Василий Аксенов, «впереди — Даль». Наибольшее открытие — стихи артиста и его прозаические наброски. Особенности стиль, тонкие, красивые, неожиданные, порою вычурные фразы и сравнения. Непростая проза, как ничто, отражающая метания и мечтания автора с моментами сюрреализма и отголосками Пруста. Чудный, вдохновенный, добрый, ласковый гимн Художнику — статья об Иосифе Хейфице, написанная по заказу для журнала и неопубликованная. Причину отказа журнала от текста понял сам адресат: «Слишком хорошо!» Слишком самобытно, слишком образно. Непросто. Эта непростота — и в дневниках. Жесткость, жестокость — к себе, к коллегам. Оценки собственных работ. Размышления о жизни и своем месте в ней — до истерики. Не всегда справедливые оценки поступков, слов, порой делающие из мухи слона.

Он ни к чему не относился легко. Он ничего не умел делать легко. Разве что — дарил с экрана свою легкую, горькую, счастливую, грустную улыбку... Боже, как же сложно любить такого человека! И как же можно не любить?

Так мало ролей сыграно. И не все остались на кинолентах. А на магнитофонной пленке остался только гениально прочитанный (это оценка всех специалистов) цикл на стихи Лермонтова. Не из-за происков врагов, исключительно по злой иронии судьбы. Просто кассет у Даля было всего две, новую купить было сложно, просить у кого-нибудь не мог — вот и затирал старые «пробы» новыми.

И жизнь его оказалась, как кассета, на которую наслаивались роли, роли, роли... Потом их стирали, их забывали. Он постоянно требовательно пытался править жизнь. А пленка стиралась, возникали шумы, помехи. И слышали эту пленку немногие.

Благодаря вышедшей книге сегодня, спустя 17 лет (целое поколение зрителей без Даля!), оказалось, что что-то можно еще дослушать, попытаться понять, можно вновь обрести чувство сосуществования рядом с этим удивительным Артистом.